DOI: 10.17976/jpps/2022.01.05

ТОЛЬКО ЛИШЬ ПЕРЕМЕЩЕНИЕ В ПРОСТРАНСТВЕ? МИГРАЦИЯ В СВЕТЕ КОНЦЕПЦИЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ

М.Ю. Апанович

АПАНОВИЧ Мария Юрьевна, кандидат политических наук, доцент кафедры демографической и миграционной политики, МГИМО МИД России, Москва, email: maria.apanovich@gmail.com

Апанович М.Ю. 2022. Только лишь перемещение в пространстве? Миграция в свете концепций справедливости. *Полис. Политические исследования.* № 1. С. 45-52. https://doi.org/10.17976/jpps/2022.01.05

Статья поступила в редакцию: 27.01.2021. Принята к печати: 09.07.2021

Аннотация. Политический дискурс вокруг процессов глобальных миграций в свете концепций справедливости и прав человека лежит в плоскости сопряжения двух полярных точек зрения. Сторонники первой диспозиции связывают перемещение с гражданством, которое дает свободы и права, но лишь в рамках внутренних границ. Таким образом, государство выступает ограничителем и регулятором потоков. Другая диспозиция говорит о возможности выхода за рамки национальных границ, наделяя правами и свободами всех людей. Концепт глобального управления и создания режимов по отдельным направлениям привносит в дискуссию рассмотрение возможности отказаться от "локальных" барьеров и вслед за глобализацией построить глобальный общественный концепт. На развитие и популярность тех или иных теорий влияние оказывают внешние факторы, а в части перемещения людей по миру, или "глобальной миграции", они оказываются превалирующими, задающими паттерн развития. Масштабы новых типов трансграничной миграции в последние десятилетия настойчиво свидетельствуют о значимости анализа этого вопроса. В то же время большая часть аналитических материалов сфокусирована на разборе отдельных кейсов и тенденций последних лет. Настоящая статья анализирует ведущуюся дискуссию о возможностях и ограничениях миграции с точки зрения политической науки и теории справедливости Джона Роулза. Автор ставит целью выделить полярные и смежные точки зрения, а также соотнести их с концептом "глобального управления" Томаса Вайса, проанализировать возможности и ограничения на пути формирования "глобального миграционного режима", очертить российский подход к роли государства в управлении миграционными потоками, а также обратить внимание читателя как на новые тенденции в области восприятия миграции, так и на направления политического дискурса по этой тематике.

Ключевые слова: глобальное управление, идентичность, миграция, права человека, теории миграции, теории справедливости.

Драма, разыгравшаяся на белорусско-польской границе в ноябре 2021 г., когда в Европу хлынула очередная волна переселенцев, делает подход к анализу миграции с точки зрения справедливости и прав человека предельно актуальным. Реально масштабы проблемы много шире, чем такие локальные конфликты. Согласно данным Международной организации по миграции[1], число переселенцев в мире составляет более 3,5 млн человек, что сопоставимо с размером небольшого государства. Однако масштабы миграции (как и интерес к этому феномену) росли преимущественно в течение прошлого столетия. Теории миграции призваны объяснить причины возникновения

[1] World Migration Report. 2020. https://publications.iom.int/system/files/pdf/wmr_2020.pdf (accessed 10.08.2020).

тех или иных потоков, а в научной и учебной литературе традиционно служат неким базисом, который позволяет авторам перейти от общих вопросов к конкретным кейсам. Такая традиция восходит к 1885 г., к "законам Равенштайна" [Ravenstein 1885: 169], описавшим генезис миграции. Затем вычленились пространственный и экономический подходы, закрепившие их принадлежность прежде всего к географическим и экономическим наукам.

В 1930-е годы интерес к миграционному поведению индивидов стали проявлять социологи и психологи. Встает закономерный вопрос, какое отношение имеет к политологии миграционная тематика, которой свойственен прежде всего социологический подход как "выяснение всесторонней зависимости политики от общества, от его социально-экономического состояния, от взаимоотношения различных слоев социальной структуры" [Bogardus 1930: 614]. Отчасти в моделях миграционного поведения применяется антропологический подход (в частности, в "теории взаимодействия рас" Роберта Парка и Эмори Богардуса) и бихевиористский метод (в меньшей степени – нормативно-ценностный).

Встает вопрос легитимности государственного управления режимом пересечения границ, с которым связаны два противоположных подхода – открытости границ и, наоборот, необходимости заградительных мер. Миграцию важно и нужно рассматривать в контексте политической науки. Экономика, социология и другие науки позволяют оценить количественные аспекты явления, а этические и "идеологические" моменты реэмиграции связаны с целостностью государства и государственной политикой, считающимися предметом политических исследований. В настоящей статье предпринята попытка разобраться в целесообразности подобного подхода.

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ

Ключом к пониманию взаимодействия миграции и государства следует считать понятие гражданства, которое представляет собой устойчивую правовую связь между государством и индивидом, подразумевающую как привилегии (в том числе перечень свобод и прав), так и обязанности (к примеру, воинский долг, уплата налогов).

Джон Роулз писал, что в обществе на национальном уровне используется единый подход к свободам [Rawls 1971: 8]. К ним, в частности, относится свобода передвижения. Однако на межгосударственном уровне более характерен подход ограничений (паспортно-визовых и иных). Те, кто пишут о справедливости, равенстве, демократии, отмечал Роулз, считает этот подход само собой разумеющимся.

Американский политический теоретик и интеллектуал Майкл Уолцер [Walzer 1983: 8] уточнял, что гражданство опирается на коллективную идентичность, которая как раз и позволяет индивидам проявить максимальную степень свободы, без дискриминации по каким-либо признакам. Наличие или отсутствие гражданства говорит о дискриминации, утверждал Уолцер, бывший одним из первых политических теоретиков, которые анализировали проблему политической принадлежности в дебатах о справедливости. Политическое членство он считал "предположительно самым важным" социальным благом, поскольку оно исторически определило доступ к другим фундаментальным благам [ibid.: 29]. А это благо можно распространять, только принимая людей. Уолцер сравнивал политические сообщества с тремя более локальными, более привычными ассоциациями: кварталами, клубами и семьями. Первая анало-

гия – это соседство, которое он определял как случайное объединение людей, живущих в непосредственной близости. Поскольку в районах нет регламентации приема, люди могут въезжать и выезжать из них по разным причинам. Это можно уподобить процессам внутренней миграции, а вопросы внешней, трансграничной миграции определяют уже подходы к лимитированию справедливости и благ. В ряде случаев государства подобны семьям, "ибо особенностью семей является то, что их члены морально связаны с людьми, которых они не выбрали и которые живут вне семьи" [ibid.: 41]. "Принцип родства" реализуется в предоставлении приоритета родственникам граждан и в приеме представителей других национальностей, преследуемых в их государствах.

Политический философ Кристофер Уэллман вообще уподоблял страны клубам. У них есть "приемные комиссии", допускающие в свой состав новых членов, и право контролировать, кто может войти в клуб, но они не могут помешать членам выйти из него. Он использовал эту клубную аналогию с явной ссылкой на свободу ассоциаций, чтобы защитить право государства контролировать иммиграцию [Wellman 2008: 112]. Пример, на который опиралась гипотеза Уэллмана, относится к Соединенным Штатам (принцип выделения квот для представителей тех или иных стран и специальностей, разветвленная система управления миграцией характерны именно для США).

Профессор кафедры политологии Университета Торонто Джозеф Каренс считал гражданство в западных демократиях эквивалентом феодальной привилегии [Carens 1987: 252]. Он выступал за открытые границы, опираясь на утилитаризм, либертарианство и либеральный эгалитаризм.

Каждая из этих теорий разделяет предположение о равной моральной ценности всех людей. Другой набор доводов в пользу открытых границ опирается на ценности свободы. Первый из аргументов признает свободу передвижения фундаментальным правом человека. У людей есть интерес к иммиграции, который важен для их благополучия, и он имеет достаточный вес, чтобы заставить других уважать право на иммиграцию. Киран Оберман из Эдинбургского университета обосновывает право на доступ к "полному спектру существующих жизненных вариантов", включающему как варианты "привязанности" (которые мы уже выбрали), так и "возможности", которые мы, не исключено, захотим реализовать в будущем [Oberman 2016: 35, 40].

Аргументы в пользу открытых границ оспаривались различными способами. Первое возражение, выдвинутое Майклом Блейком и Матиасом Риссе, указывает на то, что иммиграционные ограничения нарушают моральное равенство всех людей на ресурсы, в том числе на иммиграцию [Blake, Risse 2006: 2]. Поскольку принуждение вторгается в автономию личности, а также нарушает права, связанные с политической принадлежностью, включая свободу передвижения, то либеральное государство обязано в той или иной форме оправдать то, что оно использует принуждение. А поскольку иностранцы не подвергаются государственному принуждению в той же мере, что и граждане, то либеральные государства должны иностранцам нечто отличное от того, что они должны гражданам. То есть либеральное государство обязано им оказывать гуманитарную помощь.

В своеобразный спор с Каренсом вступает иранско-канадский политический философ Араш Абизадех [Abizadeh 2006]. Он оспаривает тезис либеральных эгалитаристов, что все равны и что нет барьеров ни по половому, расовому, ни какому-либо другому признаку, в том числе гражданству. Абизадех утверждает, что практически все иностранцы подвергаются принуждению со стороны самых могущественных государств мира. По его мнению, любое

государство, которое серьезно относится к демократической легитимности, должно оправдывать пограничный контроль для всех, кто ему подчиняется. В космополитической схеме демократических институтов Абизадеха суть аргументации основана на предположениях: 1) что оправдание принуждения должно принимать форму равного предоставления избирательных прав тем, кто подвергается принуждению, независимо от гражданства или места жительства, и 2) что иммиграционная политика государства принуждает всех в мире.

Байрон Миллер утверждает, что права человека реализуются, когда он живет в стране, обеспечивающей "адекватный выбор" вариантов жизни, которые "достаточны" для "достойной человеческой жизни". В тех случаях, когда государство не может или не хочет предоставить своим гражданам такой спектр возможностей, как в случае с беженцами, может потребоваться международная миграция, но обязательство принимать мигрантов тогда вытекает из ответственности за исправление несправедливости, а не из права человека на иммиграцию [Miller 2016: 52].

НОВЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ДВИЖЕНИЯ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ

В научном дискурсе вокруг возможности/допустимости открытия границ так бы и сохранялись представленные выше полярные мнения, если бы не дискуссия о возможности создания эффективной системы глобального управления, или глобальных режимов, в том числе публикация Томаса Вайса [Weiss 2014: 211]. Масштабы перемещения людей (а за последние 30 лет доля мигрантов в мире выросла с 2,7% от числа населения планеты до 3,5%[2]) требуют трансформации международных механизмов управления. Однако возникновение глобального миграционного режима связано с коллизией гражданства и тех прав и свобод, которые оно предоставляет.

В международном праве есть два принципа наделения гражданством при рождении: *jus soli* ("право земли", т.е. получение гражданства по месту рождения) и *jus sagnigus* ("право крови", когда гражданство возникает по принципу ближайшего родства с гражданами страны). Создание глобального режима регулирования миграции связано со следующими вопросами.

1) Что случится с национальным гражданством в случае реализации концепции глобального управления? Будет ли статус "глобального жителя" просто добавлен к принадлежности к той или иной стране? Как это повлияет на права и свободы людей, проживающих на определенной территории?

Пример Европейского союза как наднационального образования привел к облегчению перемещения, но не создал ни отдельной европейской идентичности, ни единого европейского гражданства. А выход Великобритании из состава Союза обнажил вопросы налогообложения, льгот и выхода на пенсию для лиц, имеющих британское гражданство, но проживающих за пределами острова.

2) Следует выделить категории перемещенных лиц, беженцев и вынужденных переселенцев. Остается большим вопросом, в каком ключе и какой мере система глобального управления возьмет на себя заботу о них?

3) В мире сегодня насчитывается 56 тыс. лиц без гражданства[3]. В каком формате и на каких условиях им будет дана возможность присоединиться к "всемирному гражданству"?

[2] World Migration Report. 2020. https://publications.iom.int/system/files/pdf/wmr_2020.pdf (accessed 10.08.2020).

[3] Ibidem.

Напрашивается еще один важный вывод из анализа представленной концепции: применение принципа единого гражданства для всех лиц и категорий может нивелировать вопрос гражданства и института гражданства. Тем самым у общества встанет вопрос о социальном разделении и поиске новых критериев распределения благ и взимания податей. Прошедшие с момента публикации статьи Вайса годы позволяют критически взглянуть на выдвинутый им тезис. Шансы на формирование в ближайшем десятилетии глобального управления в сфере миграции выглядят крайне призрачными, хотя за последние десять лет укрепилась связь национальных государств с такими организациями, как Международная организация по миграции (МОБ), Международная организация труда (МОТ) и Управление Верховного комиссара ООН по делам беженцев. За несколько лет, прошедших с момента создания информационно-аналитического портала по делам беженцев, он стал инструментом сбора данных в масштабах планеты. На первый взгляд "режим глобального управления в области миграции"[4] реально содержит такие базовые элементы, как нормы, институты и "согласие". Однако нормотворчество носит для стран рекомендательный характер, и налицо превосходство национальных подходов к регулированию миграционных процессов. Существуют расхождения в толковании норм приема беженцев и вынужденных переселенцев в законодательных актах ЕС с "Конвенцией о статусе беженцев", принятой резолюцией 429 Генеральной Ассамблеи ООН (14 декабря 1950 г.), и Дублинским регламентом 604/2013. Несмотря на то, что в Европейском союзе принципы общего пространства свободы, безопасности и правосудия, включая правозащитный гуманизм, создали прочную базу для кооперации, тем не менее разногласия по миграционным вопросам не удалось преодолеть. Польша отказалась принимать назначенную квоту беженцев, аргументируя свою позицию нехваткой ресурсов. Бремя приема мигрантов оказалось возложенным на самых "сильных" внутри Союза, а не распределено пропорционально. В европейской повестке дня согласие достигнуто скорее в вопросах внешних границ и по процедурам сбора данных о мигрантах, а по главным аспектам государства имеют свою позицию.

Когда в 2003 г. Кофи Аннан, бывший в то время Генеральным секретарем ООН, инициировал создание Глобальной комиссии по международной миграции (2004-2005 гг.), казалось, что у миграционной тематики достаточно высокие стартовые шансы. Однако скоро выявились два блока проблем, которые не позволяли сформировать полноценный "глобальный режим": 1) отсутствие централизации (у МОМ, МОТ и др. были пересекающиеся зоны ответственности, хотя отметим, что деятельность МОМ затрагивает все аспекты темы); 2) сложность в делегировании на наднациональный уровень этических вопросов (гражданство, контроль за миграционными потоками на национальном уровне, связанный с национальными интересами и безопасностью). Решить эти проблемы крайне затруднительно.

Соглашаясь с тем, что "политическая наука находится в поисках нового мышления" [Алексеева 2020: 115], отметим, что научные подходы к рассмотрению миграционных потоков также нуждаются в обновлении. Введение ограничений на передвижение – как вне границ стран, так и частично внутри стран в связи с распространением пандемии COVID-19, во многом повлияло не только на потоки (их направленность, тип и интенсивность), но и на рефлексию по вопросу значимости свободы передвижения современного человека. Та самая "нормальная наука" (по Томасу Куну) относительно миграции постоянно корректируется

[4] Термин "режим" используется исходя из определения "глобального управления", которое дал Стивен Краснер.

новыми ракурсами рассмотрения вопроса (на стыке или в синтезе наук – политологии, социологии, экономики и психологии). Все чаще используется математическое моделирование в прогнозировании миграционных потоков.

После того, как социолог Дуглас Массей в 1990-х годах суммировал подходы к изучению миграции, исследователи во многом исходят из сформулированных им принципов, но в прикладном аспекте постоянно идет поиск и объяснение новых трендов. Так, обнаружено увеличение с 2008 г. числа "временно перемещенных лиц" вследствие роста вредных выбросов и природных катаклизмов[5]. Ранее основным мотивом для вынужденного перемещения были классические вооруженные конфликты, в то время как последнее десятилетие лидирует по масштабам роста "климатической миграции". Термин "климатическая миграция" возник в 1980-е годы, а сам феномен не фигурировал в классических работах среди основных факторов влияния на принятие решения о перемещении.

Роль политической науки сводится к "метадисциплинарному" подходу. Здесь можно согласиться с тезисом об "усложнении природы и характера сдвигов в международных отношениях" [Гаман-Голутвина 2016: 87]. Миграционные исследования, будучи сравнительно молодой наукой, появившейся в 1871 г., в 1990-х годах обращаются к нелинейности процессов [Massey et al., 1999: 435]. Именно многовекторность процессов в обществе открытости (по У. Беку) сформировала понятие "глобальной миграции" (когда человек рожден в одной стране, вырос во второй, получил образование в третьей и применил свои знания и навыки в четвертой). Глобальная миграция уже не может рассматриваться с позиции "классических" подходов и требует переосмысления, хотя принципиально ни один из постулатов Эрнеста Равенштайна не утратил своей значимости.

Российские дискуссии во многом базируются на осмыслении роли государства как института и регулятора миграционных процессов. Как отмечают российские специалисты, "с политической точки зрения неспособность государства сформировать и реализовать национальную миграционную политику снижает международный престиж страны, так как во многих случаях препятствует выполнению принятых международных обязательств" [Волох 2015: 8]. Россия занимает четвертое место в мире и как принимающая, и как направляющая мигрантов страна[6]. Уточнение подхода к миграции (оптимального с точки зрения национального интереса и развития страны) в соотнесении с гражданством и свободами позволит дать более четкую характеристику национальной миграционной политике.

Некоторые выводы

Гражданство как "феодальная привилегия" (по Карнесу) наиболее объемно может охарактеризовать момент пандемического "замирания" миграционных процессов в мире, свободы выбора места для переезда и самого процесса перемещения, которые казались абсолютно неотъемлемой частью нашего нового "глобального" общества и совсем ближайшего будущего еще всего лишь в начале 2020 г. Хаос, непонимание, неприятие гражданами ряда стран (прежде всего западных либеральных демократий) самой вероятности ограничения их в этой возможности (международной, а затем и национальной). Общественные протесты против ограничений, несоблюдение режимов ограничений как индивидуальный ответ граждан государству и постоянный

[5] Климатическая политика в глобальном обществе риска, доклад Валдайского клуба. 2020. https://ru.valdaiclub.com/a/reports/klimaticheskaya-politika-risk/ (accessed 17.01.2021).

[6] World Migration Report. 2020. https://publications.iom.int/system/files/pdf/wmr_2020.pdf (accessed 10.08.2020).

поиск баланса между перемещениями и ограничениями со стороны самих государств. Это есть реальность, то будущее, которое уже можно констатировать.

Возврат к снятию ограничений (а он рано или поздно произойдет – в зависимости от регионов), уже изменил восприятие "свобод перемещения" и "привилегии гражданств", а в будущем скорректирует тренд развития парадигмы, уводя ее дальше от Вайсовского "глобального правительства". Чтобы понять, насколько глубинными могут быть изменения, следует вернуться к 1885 г. и законам Равенштайна, которые не сильно, но во многом служили отправной точкой (в плане теории) для последующих исследований. "Перемещения чаще происходят в рамках коротких расстояний, чем длинных" или "развитие промышленности способствует интенсификации перемещений", в современной трактовке можно читать как прогресс способствует усилению контактов, а, следовательно, и переезду. Но за более чем столетний промежуток именно качественный скачок технологий (развитие транспорта, появление и развитие интернета) меняет ценностную характеристику миграции. Современному обществу доступно быстрое преодоление расстояний, а что более значимо – онлайн-технологии позволяют перемещаться, не перемещаясь (отчасти этот тренд был усилен ограничениями на "живое" перемещение из-за пандемии).

Безусловно, это касается не всех направлений и категорий мигрантов. Низкоквалифицированный и квалифицированный труд в сфере строительства невозможно видоизменить, или, допустим, климатическую миграцию из неблагоприятных для проживания районов. Трансформацию в отношении к перемене места проживания (в части высококвалифицированной миграции или студенческой миграции), что не зависит от расстояния или развития общества. В исследованиях поведения и настроений молодежи также прослеживается изменение восприятия себя как единицы общества. Молодежь Европейского союза начинает больше соотносить свою идентичность с идентичностью Союза, а в ряде исследований встречается оценка "человек мира" при юридическом сохранении гражданств разных стран. В то время как государство остается на позиции суверенитета и относится к миграции как к аспекту, связанному прежде всего с безопасностью (и лишь затем с развитием), бизнес видит в миграции прежде всего потенциал развития, т.е. источник более дешевой или более квалифицированной рабочей силы. Хронологически смена парадигм может быть связана с увеличением или приходом к власти/управлению представителей этой самой молодежи, которые воспринимают вопросы миграции в другом ключе. Это позволяет в перспективе вернуться к вопросу "этических" (с позиции индивида) и "политических" (с позиции государства) ограничений в рамках создания режима "глобального управления" в сфере миграции.

DOI: 10.17976/jpps/2022.01.05

A SPATIAL DISPLACEMENT ONLY? MIGRATION IN THE LIGHT OF JUSTICE CONCEPTS

M.Yu. Apanovich[1]

[1] *Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University). Moscow, Russia*

APANOVICH, Maria Yurievna, Cand. Sci. (Polit. Sci.), Associate Professor, Department of demographic and migration policy, MGIMO University, email: maria.apanovich@gmail.com

Apanovich, M.Yu. (2022). A spatial displacement only? Migration in the light of justice concepts. *Polis. Political Studies,* 1, 45-52. (In Russ.) https://doi.org/10.17976/jpps/2022.01.05

Received: 27.01.2021. Accepted: 09.07.2021

Abstract. A study of political discourse on global migration in the light of justice and human rights concepts reveals of two polar points of view. Proponents of the first disposition associate movement with citizenship, have freedoms and rights, but only within internal borders. Thus, the state acts as a restrictor and a regulator of migration flows. Another perspective goes beyond national borders, granting everyone rights and freedoms. The concept of global governance and the creation of regimes in certain areas brings to the discussion the possibility of abandoning 'local' barriers and, following globalization, building a global public concept. At the same time, external factors exert influence upon the development and popularity of theories. And in terms of the movement of people around the world, or 'global migration,' they are prevailing, setting a pattern of development. In recent decades, the formation and scale of new types of cross-border migration definitely indicate the importance of this issue. At the same time, most of the analytical papers focus on case studies and isolated trends of recent years. This article analyzes the current discussion of the possibilities and limitations of migration from the point of view of political science and J. Rawls' theory of justice. The author aims to highlight polar and more moderate points of view, as well as to correlate them with the concept of 'global governance' by T. Weiss, to analyze the possibilities and limitations on the way to the formation of a 'global migration regime', to outline the Russian approach to the role of the state in controlling migration flows, as well as to draw the reader's attention both to new trends in the perception of migration and the direction of political discourse on this topic.

Keywords: global governance, identity, migrations, human rights, theory of justice, theories of migration.

References

Abizadeh, A. (2008). Democratic theory and border coercion: no right to unilaterally control your own borders. *Political theory,* 36 (1), 37-65.

Blake, M., & Risse, M. (2006). Is there a human right to free movement? Immigration and original ownership of the earth. *HKS Working Paper No. RWP06-012.* HKS Faculty Research Working Paper Series. http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.902383

Carens, J.H. (1987). Aliens and citizens: the case for open borders. *The Review of Politics*, 49(2), 251-273. http://www.jstor.org/stable/1407506

Massey, D.S., Arango, J., Hugo, G., Kouaouci, A., Pellegrino A., & Taylor, J.E. (1993). Theories of international migration. a review and appraisal. *Population and Development Review*, 19(3), 431-466. https://doi.org/10.2307/2938462

Miller, B. (2016). Spaces of contention: spatialities and social movements. Routledge.

Oberman, K. (2016). Immigration as a human right. In S. Fine, & L. Ypi (Ed.), *Migration in political theory: the ethics of movement and membership* (pp. 32-56). Oxford: Oxford University Press. http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2164939

Ravenstein, E.G. (1885). The laws of migration. *Journal of the Statistical Society of London*. 48(2), 167-235. https://doi.org/10.2307/2979181

Walzer M. (1983). *Spheres of justice. a defense of pluralism and equality.* New York: Basic Books.

Weiss, T.G., & Wilkinson, R. (2014). Rethinking global governance? Complexity, authority, power, change. *International Studies Quarterly*, 58(1), 207-215. http://www.jstor.org/stable/24017859

Wellman, Ch.H. (2008). Immigration and freedom of association. *Ethics,* 119(1), 109-141. https://doi.org/10.1086/592311

Литература на русском языке

Алексеева Т.А. 2020. Политическая наука в поисках нового мышления. *Социальные и гуманитарные знания*. Т. 6. № 2. С. 112-121. http://dx.doi.org/10.18255/2412-6519-2020-2-112-121

Волох В.А. 2015. Миграция населения как объект научного исследования: сущность, современные трактовки и классификация. *PolitBook*. № 1. С. 7-15.

Гаман-Голутвина О.В. 2016. Политология как метадисциплинарная матрица. *Международные процессы*. Т. 14. № 1. С. 86-94. http://dx.doi.org/10.17994/IT.2016.14.1.44.7